

На правах рукописи

Степанов Дмитрий Юрьевич

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО
НАСЕЛЕНИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И ГЕТМАНЩИНЫ В СЕРЕДИНЕ –
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Москва - 2016

Работа выполнена на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель:

Дмитриев Михаил Владимирович
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории южных и западных славян
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова».

Официальные оппоненты:

**Ерусалимский Константин
Юрьевич**, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и теории
культуры отделения социокультурных
исследований ФГБОУ ВПО «Российский
государственный гуманитарный
университет»

Кочегаров Кирилл Александрович,
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник отдела истории
славянских народов Центральной Европы в
Новое время ФГБУН «Институт
славяноведения РАН»

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВПО «Смоленский
государственный университет»**

Защита состоится «__» _____ 2016 г. в ____ часов на заседании ученого совета Д. 501.002.12 на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП – 1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. _____. С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова (119992, г. Москва, ГСП – 1, Ломоносовский проспект, д.27, Фундаментальная библиотека), а также на официальном сайте исторического факультета:

<http://hist.msu.ru/Science/Disser/Stepanov.htm>

Автореферат разослан «__» _____ 2016

Ученый секретарь
Диссертационного совета
Кандидат исторических наук, доцент

Никитина Т.В.

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В XIV – XV вв. территории Галицко-Волынской, Киевской, Черниговской, Переяславской земель стали частью Великого княжества Литовского, а в 1569 г. вошли в состав Короны Польской. В раннее Новое время православное население этих территорий испытало состояние цивилизационного пограничья, результатом чего стало осязаемое влияние европейской книжной и элитарной культуры в целом на образованные слои православного общества Речи Посполитой. Православные интеллектуалы и аристократы активно заимствовали достижения европейской книжности (в основном, в ее польском изводе), а также различные социальные практики. Формирование и распространение этнических представлений, то есть интерес к собственной «национальной» истории, рефлексия над различными элементами культуры, объединяющая общности людей, на основе которых возникнут будущие нации, затронуло к изучаемому периоду и ту часть населения территории бывшего Древнерусского государства, которая находилась под верховной юрисдикцией польских монархов.

В то же время, огромное влияние на культуру православного общества Речи Посполитой сохранял восточнославянский «общерусский» субстрат, в рамках которого формировались иные представления о коллективной памяти и идентичности, нежели те, генезис которых мы наблюдаем в западноевропейской культуре¹.

Представления об идентичности, сложившиеся внутри образованного круга православного населения Речи Посполитой к середине XVII в., впоследствии оказали значимое, если не сказать, доминирующее влияние на этнический дискурс, отражение которого мы находим в более поздних московских источниках.

¹См.: *Ведюшкина И. В.* Формы проявления коллективной идентичности в «Повести временных лет» // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* - М.: ИВИ РАН, 2003. - С. 296-310; *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности) // *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья.* — М., 1982. — С. 96-120; *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV вв. К вопросу о зарождении восточнославянских народностей // *Этническое самосознание славян XV в.* — М.: Наука, 1995. - С. 10-38.

В связи с этим приведенная тема в узком смысле касается изучения процесса формирования этнических идентичностей восточнославянских народов, и, в широком, – является аспектом изучения взаимодействия культурных ареалов *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*², что объясняет актуальность изучения этнических и конфессиональных представлений элиты православного общества Речи Посполитой и Гетманщины.

Предметом исследования избран этноконфессиональный дискурс³, отразившийся в письменном наследии украинской интеллектуальной и правящей элиты в 1648 - 1681 гг.

Объектом диссертационного исследования является культурная и религиозная жизнь православного общества Речи Посполитой середины – второй половины XVII в.

Цель исследования заключается в выявлении основных маркеров идентичности, которые формировались в изучаемый период, а также границ тех воображаемых сообществ, которые соотносились с этническими маркерами в общественном сознании образованной части православного населения Речи Посполитой.

Цель исследования предполагает решение нескольких **задач**, а именно:

- реконструировать основные формы этноконфессионального дискурса, отраженного в письменном наследии представителей высшего киевского духовенства за 1654 – 1674 гг.;

² *Slavia Orthodoxa* - термин, предложенный Р. Пиккио для обозначения культурно-языковых ситуаций у южно- и восточнославянских народов (болгар, сербов, черногорцев; русских, украинцев, белорусов), исповедовавших православие в его византийской редакции. *Slavia Latina* – термин, предложенный им же для обозначения культурно-языковых ситуаций у западно- и южнославянских народов (поляков, чехов, словаков, хорват, словенцев), входивших в сферу западнохристианского (позже — католического) влияния. См. *Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык М., 2003.*

³ Под понятием «дискурс» мы, вслед за известным исследователем феномена национализма А.И. Миллером, понимаем «отложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности и видения мира. Выражается в разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражает мир, но проектирует и со-творяет его... Оно включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира, а также действия людей и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения...» *Миллер А.И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et contra. 1997. Т. 2. С. 141.*

- исследовать отношения между высшим и отчасти приходским православным духовенством с одной стороны и казацкой старшиной с другой;
- исследовать уровень развития этнических представлений в среде казацкой старшины;
- выявить, существовало ли в сознании казацкой элиты устойчивое представление об этнической обособленности подконтрольного им населения украинских земель;
- исследовать отношение православного населения Речи Посполитой и Гетманщины к православному населению Русского государства;
- выявить, как соотносилось этническое и конфессиональное в содержании, стоящим за маркерами идентичности, существовавшими в среде православного населения Речи Посполитой и Гетманщины.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом 1648 – 1680 гг. Это связано с комплексом военно-политических и культурных событий, происходивших на части территории Речи Посполитой, Русского государства и Гетманщины в период от начала восстания под руководством Богдана Хмельницкого до подписания Бахчисарайского мира между Россией и Османской империей в 1681 г. В ходе этих событий не только изменилась восточная граница Польско-Литовского государства, но и произошли кардинальные перемены в общественной и культурной жизни населения православного населения Речи Посполитой и украинских земель.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что на основе большого количества источников (часть которых находилась вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных ученых, а иные не были проанализированы должным образом) впервые проведено обобщающее исследование о формах возникновения этноконфессиональных дискурсов восточнославянского населения, находившегося в составе Речи Посполитой, а затем, отчасти, Русского государства в середине – третьей четверти XVII в.

Методологическая основа диссертации включает в себя общенаучные и специально-исторические методы. Работа в значительной мере опирается на

использование *историко-критического, текстологического* и *историко-сравнительного* методов, а также на приемы систематизации и *терминологического анализа*. При работе с различными письменными источниками особое внимание уделялось внутренней критике и терминологическому анализу, заключающемуся в следующих методологических задачах: во-первых, вычленив из изучаемых текстов смыслообразующие конструкции и связанные с ними понятия и термины; во-вторых, установить, насколько эти конструкции, понятия и термины релевантны для всего массива изученных источников; в-третьих, выявить, как они коррелируют с процессами и коллизиями общественно-политической борьбы на востоке Речи Посполитой и на Левобережной Украине в изучаемый период.

Источниковая база, привлекаемая к исследованию, в целом, велика и разнообразна. Большое количество источников, необходимых нам для разработки проблем формирования и развития этноконфессиональных воззрений украинской элиты, а также социально-политической истории высшего православного украинского духовенства и казацкой старшины XVII в., издано и/или введено в научный оборот. Однако часть источников, извлеченных нами из архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга были привлечены впервые.

Использованные источники по их происхождению могут быть разделены на следующие группы: 1) *украинские материалы*, книги кирилловской печати типографий Киево-Печерского монастыря и Новгорода-Северского, рукописные исторические произведения и хроники; 2) *московские материалы*; 3) *польские исторические произведения*, изданные на польском и латинском языках. Также источники можно классифицировать и по типам: актовые материалы, личная переписка, исторические и богословские произведения и т.д.

Украинские письменные источники, привлеченные для этой диссертации можно разделить на следующие группы: 1) *документы личного происхождения*: письма, дневниковые записи, заметки религиозно-философского и политического характера, деловая переписка; 2) *документы актового происхождения*: универсалы – манифесты, обращенные к населению, универсалы на имущество, записи

дипломатических переговоров; 3) *исторические произведения*; 4) *произведения религиозного характера*.

Большое количество ценного актового материала было введено в научный оборот еще XIX в. В 1850-е гг. Киевской археографической комиссией были опубликованы т.н. «Памятники киевской комиссии...»⁴ и «Архив Юго-Западной России...»⁵

Однако наиболее количество источников актового происхождения было издано Императорской Археографической комиссией в «Актах, относящихся до истории Юго-Западной России»⁶.

Новый этап интереса к источникам начался с середины XXв., что связано с 300-летним юбилеем Переяславской рады. Тогда был подготовлен и издан трехтомник «Воссоединение Украины с Россией»⁷, в который вошли как переизданные из АЮЗР и других сборников документы, так и акты, извлеченные из архивов Москвы, Киева, Львова и Варшавы.

В продолжении научного интереса, возникшего к этой теме в связи с юбилеем Переяславской рады, историками из Польской Народной республики были предоставлены документы, которые вошли в состав другого сборника – «Документы об Освободительной войне»⁸.

Большой вклад в разработку источниковедческой базы по проблемам этнических и конфессиональных отношений внес известный историк Л.В. Заборовский, выпустивший 1-й том документов, касающихся этноконфессиональной стороны взаимоотношений польского, российского и украинского обществ в середине XVII в.⁹

⁴ Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденную при киевском военном, подольском и волынском генерал—губернаторстве (Далее – ПКК). Киев. 1852. Т. 3.

⁵ Архив Юго-Западной России. Киев, 1859-1911. Ч. 1 - 8.

⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею (далее – АЮЗР). СПб., 1863 – 1892. Т. 3, 4, 7, 10, 11, 14, 15.

⁷ Воссоединение Украины с Россией. документы и материалы в трех томах (далее – ВУР). М., 1953. Т. 2 - 3.

⁸ Документы об Освободительной войне украинского народа 1648 – 1654 (далее – ДОВ). К., 1965.

⁹ Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Ч. 1. М., 1998.

Наконец, на современном этапе изданием источников занимаются в основном украинские историки, результатом деятельности которых стало издание ряда сборников документов¹⁰.

Первостепенное значение для нашей работы играют деловые и личные листы (письма), исходящие от казацких старшин и представителей церкви, польских и московских дипломатов и военачальников. Эти письма хорошо известны исследователям и вошли в различные сборники документов, посвященных истории Освободительной войны и даже стали отдельным предметом археографической деятельности, завершенной, в частности, изданием сборника «Документы Богдана Хмельницкого...»¹¹ Часть писем были извлечены нами из архивохранилищ впервые¹².

Очень важными для нас стали тексты гетманских универсалов – манифестов, направленных на мобилизацию своих сторонников и дальнейший поиск социальной поддержки среди украинского населения. Большинство универсалов было опубликовано, однако некоторые из них были впервые введены в научный оборот, как в случае с универсалом гетмана Ивана Брюховецкого, обращенный к жителям Слободской Украины¹³.

Большое значение для изучения этногенетических легенд и этнических представлений, распространенных в украинской интеллектуальной среде в целом, имеет летопись, составленная в Густыньском монастыре и подписанная ее редактором монахом Михаилом Лосицким в 1670 г. (т.н. Густыньская летопись)¹⁴. К исследованию также была привлечена «Кройника», написанная игуменом Михайловского Златоверхого монастыря Феодосием Софоновичем около 1673 г.¹⁵ Изложению материала предшествует вступление, содержащее в себе

¹⁰Універсали Богдана Хмельницького. Київ, 1998; Національно-визвольна війна в Україні 1648 - 1657. Збірник за документами актових книг. Київ, 2008.

¹¹Документи Богдана Хмельницького (далее – ДБХ). Київ, 1961.

¹²Например, письма гетмана И.Е. Выговского (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. №. 3. Л. 60-61).

¹³РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 608. Л. 105.

¹⁴Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 40.

¹⁵Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Вид. Ю.А. Мицик и В.М. Кравченко. Київ: Наукова думка, 1992.

патриотические мотивы: Софонович, как и Лосицкий, в качестве цели написания летописи оговаривали знакомство своих читателей с историей «Отчизны»¹⁶.

Огромное значение для исследования представляет первая печатная книга по истории восточных славян «Синописис Киевопечерский», изданная в типографии Киево-Печерского монастыря в 1674 г.¹⁷ и дополненный во втором (1678 г.) и третьем (1680 г.) изданиях¹⁸. Это произведение интересует нас как отражение основных этноконфессиональных взглядов украинской интеллектуальной элиты и является одним из стержневых источников для написания настоящей диссертации.

Помимо чисто исторических сочинений к исследованию были привлечены и некоторые богословские и литургические произведения, написанные представителями украинской интеллектуальной элиты середины – второй половины XVIIв.¹⁹ Важное значение для разработки темы имеет первый политический трактат эпохи Руины – «Перестрога Украине», написанная автором, близким к семье киевского полковника В. Дворецкого²⁰. Также были привлечены и другие источники, извлеченные из его личного архива²¹.

Среди *польских исторических произведений* особый интерес при работе над настоящей диссертацией для нас представляла «Хроника польская, литовская, жомойская и русская», изданная в 1582 г. Матвеем Стрыйковским²², оказавшая огромное влияние на последующее развитие украинской и российской историографии. Также к нашему исследованию были привлечены сочинения других польских историков XVI в., а именно Александра Гваньини²³ и Мартина Бельского²⁴.

¹⁶Мыцык Ю.А. Украинские летописи... С. 17.

¹⁷Иннокентий (Гизель) Синописис или краткое собрание из различных летописцев. Киев, 1674.

¹⁸ К исследованию был привлечен текст третьего издания как наиболее информативного. Иннокентий (Гизель) «Синописис или краткое собрание из различных летописцев...» Киев, 1680.

¹⁹Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 304. № 714; Лазарь (Баранович). Меч духовный, еже есть глагол Божий на помощь церкви воюющей. Киев, 1666; Лазарь (Баранович). Трубы на дни нарочитыя праздников. Киев, 1674; Иннокентий Гизель. Мир с Богом человеку или покаяние святое примиряющее Богу человека. Киев, 1669; Патерикъ или Отечникъ Печерский. Киев, 1661.

²⁰Мицук Ю.А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. Киев, 1991. № 5. С. 129-138.

²¹ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Q. XVII. № 220.

²²Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Königsberg, 1582.

²³Guagnini A. Sarmatiae Europaeae Descriptio. Alexandri Gwagnini. Cracoviae, 1578.

²⁴Bielski M. Kronika wszytkyego swyata. Kraków, 1551.

Документы российского происхождения включают в себя, в первую очередь, акты материалы, представляющие довольно массивный блок источников. Среди них необходимо отметить следующие: 1) *наказы (наказные памяти) гонцам, посланникам и послам*; 2) *отписки послов и воевод украинских городов; царские жалованные грамоты* украинским городам, монастырям, представителям высшего духовенства и казачьей старшины; 3) *послания, направленные из Посольского приказа* гетманам и другим украинским сановникам; 4) *документы личного происхождения*: деловая переписка, включающая в себя письма воевод представителям казацкой старшины. Большинство этих источников были опубликованы как в уже упомянутых сборниках документов так и в других²⁵, однако некоторые были извлечены из фондов *Малороссийского*²⁶, *Посольского*²⁷, *Сибирского*²⁸, *Разрядного приказов (фонды Белгородского, Севского и Московского столов)*²⁹.

Степень изученности проблемы. С одной стороны, теме формирования национализмов вообще и этнических идентичностей Восточной Европы в частности посвящено довольно большое количество различных специальных исследований. Из них массивный сегмент так или иначе связан с историографией, посвященной генезису этнических и национальных представлений у населения, проживавшего на территории современной Украины. С другой стороны, большая часть этих сочинений представляет из себя *научно-популярную литературу, публицистику* или же *общие научные произведения*. Количество *специальных исследований*, в которых были бы скрупулезно рассмотрены процессы формирования идентичностей православного населения Речи Посполитой, крайне ограничено. Таким образом, до сих пор эта тема не была достаточно освещена в отечественных и зарубежных исследованиях.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1 - 2; Собрание государственных грамот и договоров. СПб.: Тип. Селивановского. 1826. Т. 4; Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1848, кн. VIII. С. 1-39.

²⁶ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1 - 3.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола.

Изучение близкой к нашей теме проблематики начинается с небольшой заметки, сделанной М.А. Максимовичем (1804 – 1873 гг.) «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси»³⁰. Максимович обратил внимание на то, что эти два наименования, вопреки уже сложившимся представлениями, были самоназваниями части населения украинских земель.

Определенный вклад в разработку проблематики соотношения «общерусского» и «автономистского» в сознании населения украинских земель внес известный российский историк И.И. Лаппо (1869-1944 гг.). В двух своих небольших сочинениях – «Происхождении украинской идеологии Новейшего времени»³¹ и в брошюре «Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству»³² исследователь поставил ряд вопросов, которые дали возможность разглядеть проблему формирования этнических представлений украинской элиты. Главный вывод Лаппо заключался в том, что во времена Переяславской рады и в последующие десятилетия в сознании малороссийской верхушки ведущее место занимали «общерусские» представления, а «научно-этнографических терминов «великорусский», «малорусский» и «белорусский» еще не существовало – они были созданы в XIX в.»³³

В советской историографии вопрос о возникновении и содержании этнического самосознания не ставился. Историки сосредотачивались на внешних признаках, таких как существование самоназвания и представления о собственной территории, наличие которых считалось достаточным для определения общности в качестве этноса. Однако в то же время предпринимались попытки анализа этнических представлений населения украинских земель эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени³⁴.

³⁰ Максимович М.А. Об употреблении названий России и Малороссии в Западной Руси // Максимович М.А. Собрание сочинений. Т. 2. Киев, 1877. С. 307-311.

³¹ Лаппо И.И. Происхождение украинской идеологии Нового времени. Ужгород, 1926.

³² Лаппо И.И. Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству. Прага, 1929.

³³ Лаппо И.И. Идея единства русского народа... С. 21.

³⁴ Напр.: Крип'якевич І.П. До питання про національну самосвідомість українського народу в кінці XVI – на початку XVII ст. // Український історичний журнал. К., 1966. № 2.

Анализ этнических представлений интеллектуальной элиты Малороссии был сделан в работе выдающегося советского и российского историка Б.Н. Флоры³⁵. Аргументация, представленная в ряде его статей, составляет, на наш взгляд, основу для построения исследования проблемы соотношения «общерусского» и автономистского в самосознании малороссийской элиты в изучаемый период. На примере материала Средневековья и Раннего Нового времени Флоря продемонстрировал неразрывность представлений о территориальном единстве Руси вплоть до образованной среде восточнославянских обществ до XVII в.³⁶

Одно из знаковых исследований, посвященных проблеме формирования протонационального самосознания украинского общества в изучаемый период стала работа польской исследовательницы Терезы Хынчевской-Хеннель «Национальное самосознание украинской шляхты и казачества в период с конца XVI в. до середины XVII в.»³⁷ В результате проведенного исследования Хынчевска-Хеннель пришла к выводу о существовании у элиты православного общества Речи Посполитой сформированного национального сознания³⁸.

Работа исследовательницы стала предметом критики со стороны других польских и российских ученых³⁹.

Проблема формирования протонационального самосознания православной части политической элиты Речи Посполитой была рассмотрена в статье польского историка Станислава Кота⁴⁰. Автор отмечает, что польское (равно как и «русское») самосознание на тот момент отражено в источниках и во многом опиралось на такие «модерные» элементы идентичности как национальный характер, представление о собственной территории, осознание роли своего народа во всемирной истории.

³⁵ Флоря Б.Н. Древнерусские традиции и борьба восточных славян за объединение. // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, Хорошкевич А. Л. М., Наука, 1982.

³⁶ Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. // Славяноведение. 1993. - № 2. - С. 221-268.

³⁷ Chynczewska-Hennel T. Świadomość narodowa szlachty ukraińskiej i Kozaczyzny od schyłku XVI do połowy XVII wieku, Warszawa, 1985.

³⁸ Ibid. S. 164.

³⁹ Sławomir Gawlas, Hieronim Grala. “Nie masz Rusi w Rusi”. W sprawie ukraińskiej świadomości narodowej w XVII wieku // Przegląd historyczny. Warszawa, 1986. T. LXXVII. Zeszyt. 2. S. 331-351.

⁴⁰ Stanisław Kot. Świadomość narodowa w Polsce w XV – XVII w. // Polska złotego wieku a Europa. Warszawa, 1987.

В связи с работой С. Кота, следует упомянуть о статье американского историка Дэвида Алтоэна⁴¹. Исследователь критиковал устоявшуюся точку зрения, считая, что, во-первых, представление о собственном происхождении, обозначенное в вышеупомянутой формуле термином «gente» стояло не на втором, а скорее, на первом месте. Во-вторых, исследователь сомневался, насколько возможно говорить об уже сложившемся в среде русской шляхты представлении о едином шляхетском народе.

Этническое самосознание общества украинских земель в XVII в. было рассмотрено в ряде работ российской исследовательницы Т.Г. Таировой – Яковлевой. В нескольких своих статьях и монографиях она показывает себя как сторонник идеи существования у казачьей элиты устойчивого национального самосознания⁴², имевшего политическое измерение в виде представления о собственном суверенитете⁴³. В сознании старшин, по мнению Таировой-Яковлевой, преобладало понимание Украины как Руси, преемницы Древнерусского государства. Когда казаки, говорили о «русском» или «руськом», они не включали в это понятие все то, что относилось к Москве, а малороссийские гетманы смотрели на себя как на наследников «благочестивых князей российских»⁴⁴.

Этническое и конфессиональное содержание маркеров идентичности представителей малороссийской интеллектуальной элиты первой половины XVII в. было рассмотрено в статьях российского исследователя О.Б. Неменского⁴⁵.

⁴¹Althoen D. 'Natione Polonus' and the 'Naród Szlachecki': Two Myths of National Identity and Noble Solidarity // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 2003, Bd. 52, № 4, PP. 475-508.

⁴²Таирова-Яковлева Т.Г. К вопросу о формировании самосознания политической элиты Украины раннего Нового времени // *Историки-слависты МГУ. Кн. 8. М., 2011. С. 178-188; Она же. Мазепа. М., 2007; Она же. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». СПб., 2011.*

⁴³Таирова-Яковлева Т.Г. Представление казацкой элиты о подданстве русскому царю // *Славяноведение. - 2013. - № 2. - С. 34-40.*

⁴⁴Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя... С. 204.

⁴⁵Неменский О.Б. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // *Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. Вып. 3. С. 180-191; Он же. Особенности этнического самосознания Мелетия Смотрицкого // Леў Сапега і яго час. Сб. ст. Гродна, 2007. С. 304-309; Он же. «Русское» и «руськость» в культуре Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII вв. (по материалам полемических сочинений) // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. Под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 137-162; Он же. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // *Между Москвой, Варшавой и Киевом. Сб. ст. под ред. О.Б. Неменского. М., 2008. С. 105-113.***

Безусловно, наибольшее количество смежных проблем у настоящей диссертации с книгой С.Н. Плохия, «The Origin of Slavic nations»⁴⁶. Работа охватывает длительный период от Киевской Руси до XVIII в. и сосредотачивается на проблеме возникновения украинской, русской и белорусской наций в раннее Новое время. По мнению автора, эти нации образуются из общерусского субстрата, который к началу раннего Нового времени уже находился в процессе распада.

Практическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы могут быть полезными для исследований генезиса и распространения этноконфессиональных дискурсов в раннее Новое время, а так же для ученых, изучающих исторические аспекты генезиса национализмов в Речи Посполитой и России. Они могут использоваться в курсах лекций и при написании учебников и учебных пособий по истории Восточной Европы Средних веков и Нового времени.

Апробация работы. Рукопись диссертации обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Основные положения диссертации получили апробацию на конференциях: «II Міжнародній науково-практичній конференції молодих науковців, аспірантів, здобувачів «Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії», (г. Ровно, Украина. Ровенский государственный гуманитарный университет, 2010); «Славянский мир. Общность и многообразие» (Институт Славяноведения РАН, Москва, 2011); «III Міжнародній науково-практичній конференції молодих науковців, аспірантів, здобувачів «Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії», (г. Ровно, Украина. Ровенский государственный гуманитарный университет, 2011); «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития» (Москва ГБУ д Московский дом национальностей, 2012); «Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 гг.» (Культурный,

⁴⁶*Serhii Plohy. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. New-York – Cambridge, 2006.*

научный и информационный центр Венгрии, Москва, 2013); «Славянский мир: общность и многообразие» (Институт Славяноведения РАН, Москва, 2014).

Основные идеи и результаты диссертационного исследования отражены в десяти научных статьях, из них три в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК.

II. Структура и содержание работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Списка источников и литературы.

Во **введении** обозначена актуальность и научная значимость поставленной проблемы, сформулированы также цель и задачи исследования, проанализированы основные группы источников, составившие документальную базу исследования. В историографическом обзоре рассмотрена и систематизирована привлеченная для диссертации научная литература.

В главе I. **Духовенство Киевской митрополии в конце 40-х – 60-е гг. XVII в.: основные представления об идентичности «русского народа»** анализируются основные тексты, принадлежащие перу киевского духовенства в изучаемый период и, в той или иной степени, отражающие этноконфессиональные взгляды их авторов. Источники рассмотрены в контексте деятельности их авторов в политической жизни украинских земель. В параграфе 1 *«Киево-Печерский архимандрит Иосиф Тризна и митрополит Сильвестр Коссов: попытки династического, религиозного и «этнического» обоснования присоединения Украины к Русскому государству»* рассматривается эволюция политических взглядов двух виднейших представителей иерархии Киевской митрополии в контексте перемен, связанных с Освободительной войной Богдана Хмельницкого и Переяславской рады 1654 г., а также значимые для нашей темы тексты, принадлежащие их перу. Констатируется, что отношение обоих иерархов к власти царя Алексея Михайловича меняется от крайне негативного до лояльного. Причиной этому, по всей видимости, стала религиозная политика московской власти на завоеванных в 1654-55 гг. землях Великого княжества Литовского и Короны Польской, направленная на ликвидацию униатской церкви.

После Переяславской рады Иосифом Тризной был написан «Патерик»⁴⁷, в состав которого было включено переложение московской легенды о происхождении династии Рюриковичей (части «Сказания о князьях Владимирских»), что, со стороны высшего украинского духовенства, стало первой (за изученный период) в своем роде попыткой обоснования притязаний московской династии на Киев. В посланиях Сильвестра Коссова, обращенных к царю Алексею Михайловичу впервые в течение исследуемого периода мы находим формулу «яфетороссийское поколение»⁴⁸, представляющую, на наш взгляд отражение этнического концепта, объединявшего все восточнославянские народы.

В параграфе 2 *«Малороссийское духовенство в годы «Руины»: основные высказывания о «русском народе» в контексте военно-политических событий»* дается общая характеристика деятельности представителей высшего киевского духовенства, а именно Лазаря Барановича, Иосифа Тукальского, Иннокентия Гизеля и Мефодия Филимоновича. Констатируется, что проект Гадячского договора 1658 г. и начало периода военной и политической нестабильности на Правобережной и Левобережной Украине, получившей в источниках и историографии название Руины, до определенной степени расколола высшие церковные круги Киевской митрополии. Так же на положении и деятельности высшего духовенства отразилось возникновение альтернативных левобережным «центров силы» в лице пропольски- и протурецки- настроенных гетманов. С одной стороны, это ставило высших православных иерархов перед выбором покровителя, с другой – усиливало их роль в качестве посредников между разными гетманами и московским правительством. Неоднозначное, сложное положение, в которое попали киевские прелаты, стало причиной возникновения большого количества различных дипломатических и неофициальных посланий. Православные архиереи, обладая должным интеллектуальным ресурсом, включали в эти послания ряд важных оборотов, содержащих, по нашему мнению, фрагменты, отражающие этногенетические представления. В первую очередь речь идет о многочисленных обращениях, отправленных в Москву, в которых мы находим представление о единстве Руси, то

⁴⁷Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 304. № 714.

⁴⁸АЮЗР. Т. 10. Стб. 322.

есть территории бывшего Древнерусского государства, а также о династических и этноконфессиональных правах Романовых на Киев. Этнических мотивов в различных документах, исходящих из-под пера духовенства и обосновывающих власть польских или турецких монархов на украинские земли мы не обнаружили.

В параграфе 3 *«Пolemические и исторические произведения, сочиненные в 1660-х гг. в среде украинского духовенства и отражающие этноконфессиональные представления»* рассматриваются «Перестрога Украине»⁴⁹; «Послание ревнителям благочестия»⁵⁰ и «Истинные доводы о русской земле, её границах и начале монархии русской народа сарматского, взятые из Хроники Гваниньи»⁵¹. Отмечается, что все три текста появились вследствие реакции на Андрусовское перемирие, закрепившее территориально-политическое разделение украинских земель.

В параграфе 4 *«О некоторых особенностях этнических взглядов представителей высшего украинского духовенства в середине – третьей четверти XVII в.»* рассматривается письменное наследие черниговского архиепископа Лазаря Барановича и произведение неизвестного автора «Наветы»⁵². Оба текста анализируются с точки зрения содержания в них элементов этнических концепций их авторов.

В обширном письменном наследии Лазаря Барановича видное место занимает образ Руси («России»). Безусловно, речь идет о православной стране, история которой – это, в первую очередь, история Русской церкви. Народ, населяющий Русскую землю – это «русские сыны», члены Русской церкви.

«Наветы» были написаны неизвестным представителем православного духовенства в 1664 г. на территории, контролируемой польскими властями. Произведение представляет исчерпывающий перечень негативных сторон религиозной политики Речи Посполитой по отношению к православному населению. Для автора «Наветов» характерны такие взгляды на идентичность

⁴⁹ Мицик Ю.А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. Київ, 1991. № 5. С. 128–137.

⁵⁰ АЮЗР. Т. 8. С. 1-3.

⁵¹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Q. XVII. 220. Л. 59 – 60.

⁵² Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Q. XVII. 220. Л. 34 – 57 об.

православного населения Речи Посполитой как те, что сформировались в условиях жесткого противостояния с польской религиозной политикой и униатской церковью. Основание этих взглядов представляло из себя средневековый конструкт, объединяющий то, что мы сейчас называем, этнической и религиозной идентичностью. Для текста характерна антитеза униатов имеющих, по мнению автора, «римскую веру» и православных, которые и называются «истинной Русью»⁵³.

В главе II **«Синописис Киевопечерский...» в формировании протонационального самосознания малороссийской интеллектуальной элиты 60-х – 70-х гг. XVII в.: этничность повествования и конструкт исторической памяти** рассматривается этногенетическая легенда и этнический конструкт, заложенный в произведении. Также была рассмотрена проблема источников происхождения этнической концепции «Синописиса...» и вопрос об общем контуре исторической памяти, заложенной в произведении.

В параграфе 1 **«Синописис или краткое собрание из различных летописцев...» как исторический источник (проблемы авторства, времени написания и источников произведения)** рассматриваются основные историографические точки зрения на вопрос об авторстве и времени возникновения, а также рассмотрен авторский метод работы с источниками и реконструированы контуры военно-политического контекста написания этого произведения. В результате анализа литературы и источников констатируется, что наиболее состоятельной кажется традиционная точка зрения, предписывающая авторство архимандриту Иннокентию Гизелю и датирующая составление 1673-74 г. В результате текстологического анализа глав, исследованных нами, выявлено, что основным источником произведения надо, безусловно, считать «Хронику...» Матвея Стрыйковского. Ряд привлеченных к исследованию глав представляют практически дословный пересказ соответствующих сюжетов из «Хроники...»⁵⁴. Однако Гизель делал вставки из использованных им московских источников (в

⁵³Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Q. XVII. 220. Л. 38.

⁵⁴*Strykowski M. Kronika...* S. 115-132.

первую очередь, «Степенной книги»)⁵⁵, а также вставлял отдельные фрагменты панегирического характера, посвященные разным историческим персоналиям – Святославу, Владимиру Крестителю, Владимиру Мономаху и Дмитрию Донскому (в третьем издании 1680 г. Более того, Гизель поменял всю этническую терминологию на ту, которая более соответствовала его уровню развития протонациональных представлений (например «гиснасу», неоднократно упоминаемые в сочинении Стрыйковского, перешли у Гизеля в «славеноросов»). События, происходившие на Правобережной и Левобережной Украине накануне и во время изданий этого произведения, а именно, борьба правобережного гетмана Дорошенко с левобережным гетманом Самойловичем, начало турецкой экспансии на украинских землях, русско-турецкая война 1676 – 1681 гг., а также позиция самого Иннокентия Гизеля к обозначенным событиям отразились на содержании произведения.

Политические взгляды Иннокентия Гизеля, его стремление поддержать прочный союз с Русским государством и лояльность по отношению к верховной власти царя отразились на подборе источников для написания «Синописа...» и компоновке материала. В конечном итоге гражданская позиция Гизеля во многом объясняет важные акценты в изложении этногенетической легенды и конструировании исторической памяти, которые, безусловно, являются элементами протонационального сознания. В «Синописе...» мы находим пространное жизнеописание князя Владимира Святославича, особое внимание к Владимиру Мономаху. Повествование об этих исторических деятелях можно считать традиционным для украинско-белорусских исторических произведений XVII в. Можно даже с определенными оговорками сделать вывод о конструировании образов «народных героев». Их число, однако, в «Синописе...» пополнил московский князь Дмитрий Донской, чей образ должен был служить напоминанием об удачном опыте борьбы с иноверными захватчиками. О том, насколько в представлении Гизеля эта часть текста была важна, говорит тот факт, что архимандрит самостоятельно переложил московское «Сказание о Мамаевом побоище», а не использовал уже готовую версию, адаптированную до него Феодосием Софоновичем.

⁵⁵ *Иннокентий (Гизель) Синописис... С. 13.*

В параграфе 2. *Этногенетическая легенда «Синописиса...»* рассматриваются источники и общая конструкция представления автора о происхождении «православно-российского народа». Воспользовавшись этногенетической легендой о происхождении славян от Мосоха, имевшую давнюю на тот момент традицию применения, Гизель, однако, несколько иначе расставил акценты: Москва под его пером стала самым древним славянским городом, а «народ московский» - также занял первенствующее положение в этнической генеалогии. Более того, целью населения Московского государство стало «возрождение» «российского рода».

Параграф 3 *Этничность повествования «Синописиса»*. «Синописис...» - яркий пример этнизации⁵⁶ исторической памяти восточных славян. История в этом сочинении рассматривается под углом деяний народа, который, фактически, предстает главным героем произведения. Его название изменяется на протяжении изложения, отражая, таким образом, идею об этническом развитии в зависимости от различных событий. Основные элементы исторической памяти «Синописиса...», то есть события, на которых в произведении расставлен акцент, характерны для украинско-белорусской книжности того времени в целом. Это происхождение славян и «народа русского», его крещение, татаро-монгольское нашествие, попадание под власть литовских князей и «возвращение» под власть российских самодержцев. Исключение составляет пространное известие о Куликовской битве, попавшее в третье издание. Идея единства восточнославянских народов в «Синописисе...» преувеличена в исторической литературе. Как таковой концепции о двуединной Великой и Малой Руси в сочинении нет. После глав, посвященных этнической истории народов Восточной Европы, автор снова перешел к традиционному династическому типу повествования. Этнический конструкт «народ православно-российский», с его этноисторическим содержанием, представленным в «Синописисе...», в общем, отражает процесс становления протонациональных взглядов, свойственных представителям украинской интеллектуальной элиты. В

⁵⁶ Термин М.В. Дмитриева, введенный им в статье *Дмитриев М.В. Киево-Могилянська академія і етнізація історичної пам'яті східних слов'ян (Інокентій Гизель і Феодосій Софонович) // Київська Академія. Вып. 2-3. Киев, Киево-Могилянська академія, 2006. С. 14-31.*

этом отношении «Синописис...» нельзя считать произведением, несущем в себе «заряд» принципиально новых этнических представлений.

В главе III **«Протонациональное самосознание светской элиты Гетманщины в 50-е – начало 80-х гг. XVII в.: «общерусские» и автономистские тенденции»** реконструируются маркеры идентичности, существовавшие в среде казацкой старшины. Речь идет о представлениях о народе, к которому они себя относили, а также о соседних народах, граничащих с ними. В виду специфики развития этноконфессиональных дискурсов в православной культуре Речи Посполитой, нас, в первую очередь интересует восприятие казацкой старшины православного населения Русского государства.

В параграфе 1 ***Идеология «воссоединения» и проекты казацкого автономизма как политические мотивы формирования протонационального самосознания*** рассматриваются основные политические проекты, которые были свойственны казацкой старшине, а именно «воссоединение», то есть переход под власть московских царей; Гадячская уния, предполагавшая возвращение под суверенитет польской монархии; автономистский проект, содержащий идею независимости или широкой автономии. Манифестация каждого из проектов в той или иной степени актуализировала этноконфессиональный дискурс либо стимулировала его развитие.

В параграфе 2 ***Некоторые особенности понимания термина «народ русский» в среде казацкой старшины (Богдан Хмельницкий и его окружение)*** рассматриваются границы понятия «народ» как воображаемого сообщества, существовавшего в сознании казацкой старшины, участвовавшей в восстании Богдана Хмельницкого. Констатируется, что эти рамки, в общем, совпадали с сословными границами самой старшины и православной шляхты, отделяя их от той части населения украинских земель, которую Хмельницкий называл «чернью», что является результатом заимствования польской традиции понимания «политической нации», ограниченной только правящим сословием.

В параграфе 3 «*«Русь», «Русское» (российское) «племя» как воображаемые сообщества в сознании казацкой старшины в третьей четверти XVII в.*» рассматривается вопрос о том, что же подразумевали казацкие старшины, называя себя «русскими», а свою страну «Русью». Констатируется, что у старшин доминировало представление о единой Руси как территории и как о народе. В территориальном отношении речь идет о всем бывшем Древнерусском государстве, а в этническом – о всех восточнославянских народах. «Русь», «народ русский» являлись в строгом смысле этнонимами, то есть включали в себя следующие элементы этничности: самоназвание, распространенное на всех членов воображаемого сообщества; этногенетический миф о происхождении, а также основные книжные сюжеты, ставшие составной частью исторической памяти казацкой элиты. В ряде случаев мы отмечаем прочное совпадение этнических и конфессиональных границ «русского» воображаемого сообщества. Отчасти конфессиональной является историческая память казацкой старшины: главным историческим событием, о котором они имели представление, оставалось Крещение; Переяславская рада 1654 г. и присоединение к Русскому государству, в первую очередь, воспринималось как воссоединение восточнославянского православия. Таким образом, в сюжетах, связанных с представлением о «русском» в среде казацкой старшины мы находим много общих мест с теми взглядами представителей духовенства, которые были рассмотрены в предыдущих главах. В ряде случаев мы отмечаем непосредственное влияние взглядов отдельных церковных деятелей на этнические представления казацких старшин. В связи с этим мы можем предположить, что на тот момент в сознании украинской элиты существовало единое протонациональное «русское» самосознание, восходящее элементами к средневековым маркерам «русской» идентичности и к историческим сочинениям украинской книжности более раннего периода.

В то же время, в среде казацкой старшины мы не встречаем представления об этнически отдельном «украинском» или «малороссийском» народе, как о населении подконтрольных им территорий. Однако в данном случае мы сталкиваемся больше с маркерами территориальной идентичности: в содержании терминов

«малороссийский» или «украинский» нет, строго говоря, тех элементов этничности, о которых мы уже говорили. В изученных текстах мы сталкиваемся с отдельными попытками малороссийских политических кругов конструировать определенный образ врага, этнически чуждого для них, в виде населения Московского государства и представителей московской администрации. Можно предположить, что это в перспективе могло нарушить представление о «русском» единстве и могло способствовать развитию комплекса взглядов, включающих в себя идею об этнической обособленности населения украинских земель. Однако за изучаемый период указанный процесс не прослеживается, что говорит о том, что в третьей четверти XVII в. сформированные представления об обособленности населения украинских земель еще не приобрело этнического содержания.

В **заключении** подводятся итоги исследования и суммируются обобщающие выводы.

III. Положения, вынесенные автором на защиту:

1. Переяславская рада 1654 г., дальнейшее сотрудничество киевского духовенства с царской властью привели к возникновению благоприятных политических и экономических условий для создания новых текстов, в которых мы также можем увидеть отражение формирования маркеров идентичности внутри образованных слоев украинского общества. На основании различных посланий представителей киевского духовенства и гетманской канцелярии, а также некоторых пространных произведений, в первую очередь «Патерика» Иосифа Тризны мы можем сделать вывод о том, что в наибольшем количестве случаев за этими маркерами стояло представление о единстве восточнославянских «русских» земель, этнодинастический принцип права Романовых на украинские земли от «прародителя» князя Владимира I, а также представление о единстве истории православной церкви как основного принципа политической целостности территории бывшего Древнерусского государства (при этом сами этнические критерии единства не столько уходили из поля внимания авторов текстов, сколько отходили на второй план).

2. В письменном наследии киевских книжников в 1648-74 гг., а также в различных документах, исходящих из гетманской канцелярии, можно встретить отражение этнического самосознания, включающего в себя представление о «русском» воображаемом сообществе с пока еще «размытыми» рамками (не совсем четко очерчена граница между «русским народом» и остальными славянами), но, в любом случае, выступающем в качестве синонима, объединявшего все православное население территорий бывшего Древнерусского государства.

3. В некоторых представлениях авторов изученных нами текстов (например, в сочинениях Лазаря Барановича и «Наветах...») о собственной идентичности сохранялись некоторые анахроничные черты. В первую очередь речь идет о том, что хорошо прослеживается амбивалентность в восприятии «русской» терминологии. С одной стороны, и Лазарь Баранович и неизвестный автор «Наветов» явно используют ее для обозначения собственной идентичности, противопоставляя себя, таким образом, полякам, туркам, татарам и т. п. С другой стороны, прослеживается четкое конфессиональное содержание «русской» терминологии и во многих случаях противопоставление другим народам в их текстах, как нам кажется, также строится исключительно на религиозной основе.

4. В качестве важнейшего источника для нашего исследования был привлечен «Синописис Киевопечерский...» Иннокентия Гизеля. В основе изложения лежит история народа «славенороссийского», затем «россов», затем народа «православно-российского», под которым подразумевались все восточные славяне. На наш взгляд, в содержании представления о «славенороссийском народе» Иннокентия Гизеля проступает этнический концепт. В связи с этим мы подтверждаем вывод М.В. Дмитриева о том, что в «Синописисе...» отражен процесс этнизации памяти восточных славян. Новаторской, по сравнению с остальными малороссийскими историческими произведениями того времени, стала идея о «первородстве» и некоем этническом первенстве «народа московского», явившегося прямым потомком ветхозаветного Мосоха (Мешеха), легендарного прародителя всех славян.

5. При этом необходимо отметить, что «Синописис...» не содержал принципиально нового этнического конструкта. Этнический дискурс, отраженный в

тексте произведения, вырабатывался киевской интеллектуальной элитой в течение предшествующих пятидесяти-семидесяти лет. В отличие от распространенного в историографии мнения, мы не нашли в этом произведении более-менее выкристаллизованной концепции о дву- или триединстве Руси (состоящей из «Малой», «Великой» и «Белой»), которую мы можем найти в более поздних произведениях.

6. Результатом работы над текстами, исходящими от казацкой старшины стал вывод о дихотомии ее этнического самосознания, выраженной в практике двух дискурсов – общерусского и «областнического» (автономистского). С одной стороны, в речах и письмах гетманов и других представителей старшины мы видим то же отражение комплекса этнических взглядов об «общерусском» единстве, что и в письменном наследии представителей духовенства. Естественно, этот дискурс был актуален в первую очередь в связи с поиском взаимодействия с московским правительством, с левобережными гетманами и киевским духовенством. Необходимо также отметить, что в письменном наследии Б. Хмельницкого и в некоторых более поздних источниках мы наблюдаем, что идеологическое сближение с московским правительством было более основано на представлении об общей православной вере и династических аргументах. Можно сделать вывод о постепенной этнизации этих представлений.

7. С другой стороны, в ряде гетманских универсалов и прочих источников, исходящих от тех представителей украинской военно-политической элиты, которые решили порвать отношения с московским правительством, мы видим отражение других взглядов. Речь идет о представлениях о «Малороссии» как об отдельной области, о ее народе и «отечестве» со свойственными ему «вольностями». Однако пока наши источники не позволяют сказать, что эти формы локального самосознания были этнически «окрашены». Даже сталкиваясь с тем, как противопоставлялись в различных источниках «народ малороссийский» и «москва», у нас нет оснований считать, что в это противопоставление вкладывалось этническое содержание. В связи с этим в качестве дефиниции к приведенным маркерам мы можем обосновано применить термин «областнический»,

использованный уже Б.Н. Флорей. Под ним понимается обозначение принадлежности автора к некоей территории, что не подразумевало под собой этнических коннотаций. В определенном смысле термины «малороссийский», «украинский» (и производное – «украинец») выступают в изученных источниках в качестве аналогов использовавшихся в то время в польской книжности терминов «мазовецкий» («мазовшанин»), «малопольский» и т. п.

8. Образ «отчизны» выступает в письменных источниках несколько размыто и, что самое главное, «вольности» (свободы) народа и «Отчизны» также не находили единой трактовки в верхушке украинского общества того времени. Таким образом, можем констатировать, что к 1681 г. внутри украинской старшины *не* сформировался устойчивый комплекс этнических взглядов автономистского характера, который в перспективе мог стать некоей альтернативой общерусскому протонациональному дискурсу.

Что касается трёх общих выводов проведенной работы, то они - таковы:

Во-первых, необходимо отметить, что основные элементы идентичности, которые мы можем встретить в изученных источниках, еще относительно подвижны. Представление о «Руси» и «русском» воображаемом сообществе еще размыто. Заметно, что в наших источниках нет окончательных формул исторической памяти и этногенетических представлений, а этногенетическая легенда еще не сформулирована окончательно и включает в себя различные варианты и даже альтернативы. *Однако, в целом, они тяготеют к единой модели – той, которую в историографии условно называют «общерусской».*

Во-вторых, представления об общих чертах культуры, присущих данному складывающемуся этносу, который был бы отделен от «общерусского этноса», и о языке, который объединяет этот этнос (также необходимые для того, что мы могли бы констатировать окончательное формирование этнического дискурса), можно проследить лишь в отдельных случаях.

В-третьих, изучение источников привело и к следующему наиболее *общему* выводу: есть все основания предполагать, что мы имеем дело не с окончательно сформированным *этническим* дискурсом (как системой представлений, символов,

элементов «самоощущения», связанных с этим установок поведения и практик), а скорее с такими представлениями об идентичности православного населения Речи Посполитой и Гетманщины, которые находились *in statu nascendi*.

Список использованных источников и литературы содержит 415 наименований.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях

В изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертации:

1. *Степанов Д.Ю.* "Русское", "малороссийское" и "московское" в представлениях элиты Гетманщины в 50-е 60-е гг. XVII в. // Славяноведение. - 2012 - № 9 - С. 12 – 21.
2. *Степанов Д.Ю.* «Украинцы и москали». Как население Левобережной Украины воспринимало жителей Московского государства во второй половине XVII в. // Родина. - 2012 - № 3 - С. 125-129.
3. *Степанов Д.Ю.* Почему и для кого был издан первый печатный учебник по русской истории // Родина. - 2014 - № 3 - С. 76-80.

В других изданиях:

4. *Степанов Д.Ю.* «Отечество» и «Народ». Польское протонациональное самосознание и Освободительная война украинского и белорусского народов 1648-1654 гг. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. – Вип. 21. – Рівне, 2010 - С. 91-96.
5. *Степанов Д.Ю.* «Общерусское» и автономистское в формировании протонационального самосознания украинской элиты в середине – третьей четверти XVII в. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць: Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. – Вип. 22 – Рівне, 2011 – С. 35–39.
6. *Степанов Д.Ю.* «К вопросу о формировании протонационального самосознания украинской элиты в середине – второй половине XVII в.» //

Rzeczpospolita vs Carstwo. Rocznik instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 9 (2011). Zeszyt 3. S. 99 - 111.

7. *Степанов Д.Ю.* «Малая Русь» и «народ малороссийский» в представлениях казачьей старшины и высшего духовенства Гетманщины в 50-е – 70-е гг. XVII в. // Историки-слависты МГУ. Славянский мир в поисках идентичности Кн. 8. М., 2011. С. 167-177.
8. *Степанов Д.Ю.* Новое оправдание измены (рецензия на книгу Т.Г. Таировой-Яковлевой Гетман Иван Мазепа и Российская империя // Соборное мнение о Мазепе. М., 2011. С. 382-400.
9. *Степанов Д.Ю.* Этногенетический миф в формировании этнических представлений московской элиты в последней четверти XVII– XVIII вв. // Русский сборник. М., 2013 Т. 14. С. 79-95.
10. *Степанов Д.Ю.* Протонациональное самосознание украинской элиты кон. XVII – нач. XVIII вв.: идейные истоки и политические факторы формирования казацкого автономизма // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. 1517 – 1918. СПб., 2016. С. 134-146.

Подписано в печать: 25.02.2016
Объем: 1.0 усл.п.л.
Тираж: 100 экз. Заказ № 1054
Отпечатано в типографии «Реглет»
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 5/7, стр. 1
(495) 623 93 06; www.reglet.ru